

— Что ты делаешь? Как странно. Оказавшись во тьме, твоим инстинктивным действием оказалось защищать кинжал... и вот эту... эту уродливую до смерти стеклянную бусину?

— Верни мне...

Кристабель Померан едва слышно стонала:

— Верни мне...

Что вернуть? Что ей нужно? Хотя звук и срывался с губ, в голове у Кристабель оставалось пусто — по-настоящему пусто, там не было вообще ничего.

Два дня назад, когда господь только ниспослал благословение в эту стеклянную бусину, она без всякого страха попробовала снять её. Итогом стало то, что она, опустившись на колени и держась за прутья детской кроватки, два часа подряд плакала перед малышкой Нефрит.

И спустя два часа слёзы всё ещё не прекращались: сердце, скручиваемое болью, словно выжимало из её тела всю влагу. Но именно тогда она всё же вернула себе крупицу рассудка, снова взяла стеклянную бусину-кулон, которая всё это время лежала рядом, вновь отсекла страх — и лишь тогда по-настоящему успокоилась.

После этого она больше ни разу её не снимала.

Пока она не снимала бусину, страха не было. Стоило снова надеть подвеску, и каждый раз, когда возникала мысль попробовать снять её ещё раз, она разумно убеждала себя: пока не время.

Так боялась ли она сейчас? Боялась ли она своего собственного страха? Ведь на самом деле она не должна бояться?

Дальше размышлять Кристабель уже не могла.

Учёба, назначенная её повелителем, и обучение, необходимое для работы, выжали из неё слишком много умственных сил. То, что она вообще смогла сформулировать эти три вопроса о страхе, было целиком заслугой того, что в последнее время она питалась куда лучше, чем

раньше.

— И какая от этой стеклянной бусины польза? — спросил Радоцвет... нет — её муж. — Как ты меня нашла? Откуда ты знала, что я здесь?

— Верни мне...

— Она для тебя так важна? Эта стеклянная бусина?

Она услышала звук удара бусины о стену, и мужчина рявкнул:

— Говори! Кто сказал тебе, что я здесь?! Не скажешь — я её разобью!

— Верни мне...

Радоцвет-то думал, что нашёл отличный рычаг давления, но не ожидал, что, потеряв стеклянный кулон, Кристabelle перестанет понимать человеческую речь.

Это заставило его слегка пожалеть о своём поступке: не стоило, наверное, увидев, как Кристabelle в темноте сжимает стеклянную бусину, пользоваться тем, что она его не видит, и выхватывать это дешёвое уродство.

Он-то решил, что это алхимический защитный предмет, выданный Кристabelle инквизитором! А оказалось — обычная стеклянная бусина, каких за мелочь можно купить целую пригоршню.

Радоцвет попытался привести её в чувство — поднял кинжал и пригвоздил им её ладонь.

Она перестала повторять «верни мне», но и говорить что-либо тоже не начала — просто сидела и дрожала, дрожала, дрожала...

Радоцвет был уже крайне нетерпелив, но ему требовалось понять, как именно его раскрыли. Иначе в дальнейшем бегстве он раскроется и во второй раз, и в третий — и в конце концов будет схвачен Инквизицией.

«Если не удастся выбить признание сейчас, неужели придётся тащить эту женщину с собой и уже по дороге медленно выуживать то, что она скрывает? Бежать... Нужно воссоединиться с настоятелем Аромгеро. А, точно. Дочь этой женщины сейчас как раз у него. По сравнению со стеклянной бусиной, угроза дочерью должна подействовать куда лучше, верно?»

Когда он увидел, как святосветный рыцарь, отбросив бой с его телохранителем, мчится сюда, разгоняя тьму, Радоцвет понял: телохранитель, скорее всего, уже мёртв.

«Бесполезный мусор. Впрочем, так даже лучше — как ритуалист я сейчас могу полагаться лишь на настоятеля Аромгеро, который должен быть где-то неподалёку».

Радоцвет размышлял, в то время как святосветный рыцарь яростно нацелила на него клинок, но он даже не удостоил её взглядом.

Изначально он собирался просто выбросить эту уродливую до отвращения стеклянную подвеску, но, подумав секунду и усомнившись, что она настолько уж обычная, он всё же сунул её в карман. Затем бывший оленелюд вытащил из другого кармана пистолет, схватил Кристабель за короткие волосы, рывком поднял её с земли и приставил дуло к её макушке.

— Сделаешь ещё шаг — я выстрелю.

Он произнёс это неторопливо. Он видел, как ярость на лице святосветного рыцаря стала ещё сильнее, но та всё же остановилась.

«Ха. Инквизитор».

— Назад, — продолжил командовать Радоцвет. — Отступай. На улицу.

Даже отступая очень медленно, святосветный рыцарь делала это с явным унижением. Радоцвет волок за собой Кристабель, шаг за шагом следуя за ней, пока они наконец не вышли на набережную дорогу у реки.

Оказавшись снаружи и увидев огненного человека, парящего в воздухе, Радоцвет понял: его план полностью рухнул. Потому что этот огненный человек был не кем иным, как верховной инквизиторшей Инквизиции Альманвиля — а в Альманвиле имелся только один высокоуровневый маг стихий.

«По плану её должны были отправить спасти того метаморфа... Так почему же меня всё-таки раскрыли? Где именно я допустил ошибку?»

Радоцвет ломал голову, но, увы, времени на размышления у него не было.

Он тащил заложницу к позициям культа Искращения. По дороге находились желающие напасть на него, но настоятель Аромгеро Масима прикрывал его — древолюдями, которые уже почти превратили это место в дождевые джунгли. Маленькая девочка находилась у него в руках.

Даже верховная инквизиторша Альманвиля не осмеливалась действовать необдуманно: младенец плакал так, что, казалось, вот-вот задохнётся, а на пелёнках отчётливо виднелись пятна крови.

Радоцвет не заметил, как оцепеневшая, словно мёртвая, Кристabelle внезапно шевельнула глазами и посмотрела в сторону малышки Нефрит.

Её рука судорожно дёргалась; кинжал всё ещё торчал из тыльной стороны ладони.

Радоцвет же думал лишь о том, что, по крайней мере, шаг с похищением этой пёсолюдки всё ещё работает, как и было задумано.

Он убеждал себя, что с его планом в целом всё в порядке.

С появлением ещё одного заложника боевой дух лагеря культа Искажения резко возрос. Культисты начали теснить инквизиторов и священников Матери Первозданной Крови, выдавливая их к реке и поднимаясь на насыпь.

Аромгеро Масима бросил в воду пригоршню мелких предметов. Прошло лишь мгновение — и по поверхности реки расплзлась грязно-зелёная пелена.

— Наша рыба! — с криком отчаяния вскрикнул один из священников Матери Первозданной Крови.

В русле стремительно разрослись зелёные водоросли. Будучи растениями, они размножались с пугающей скоростью — поколение за поколением в одно мгновение — и быстро вытягивали из воды весь кислород. Уже можно было видеть, как рыбы, перевернувшись брюхом вверх, всплывают среди зловонной зелени.

Священники Матери Первозданной Крови, которые всё это время старались поддерживать экосистему реки — то есть подкармливали рыбу, — побледнели. Особенно это бросалось в глаза из-за их красных ряс.

Аромгеро Масима расхохотался во весь голос.

Он смеялся долго, а когда увидел своего давнего врага — верховную инквизиторшу Альманвиля, — его смех стал ещё громче. Она была окутана сыплющимися искрами пламени, но из-за заложников не могла сделать ни шага вперёд.

Водоросли, вытянув кислород, под ярким светом мощных ламп над рекой начали снова выделять его. Члены культа Искажения один за другим прыгали в воду. Верховный инквизитор Альманвиля попыталась взять под контроль течение, но Аромгеро Масима тут же сунул к лицу малышки-пёсолюдки ярко окрашенный цветок.

С первого взгляда было ясно — цветок ядовит. Верховной инквизиторше оставалось лишь стиснуть зубы и силой остановить магию, уже рвущуюся наружу.

Радоцвет, удерживая Кристабель Померан как заложницу, прыгал в реку предпоследним.

Он мёртвой хваткой сжимал её руку и спускался вместе с ней одновременно, а не по очереди, не оставляя инквизиторам ни единого шанса для внезапной атаки.

Холодная, зловонная вода накрыла его с головой. Несколько листьев водорослей облепили пузырьёк воздуха вокруг его головы, позволяя ему дышать под водой.

И именно в этот момент он вдруг почувствовал жар в груди.

Жар исходил из области сердца.

Несколько секунд он пребывал в растерянности, а затем пришла боль.

Она должна была быть невыносимой, но в этот миг тело — ради самозащиты или, быть может, чтобы облегчить последние мгновения — выбросило в мозг огромное количество дофамина.

После первого всплеска боли ему неожиданно стало легче, лишь дыхание начало тяжелеть.

«Что... произошло...»

Радоцвет, уже израсходовавший свой ритуал спасения жизни и не способный повторно уйти в тень, был в полном недоумении. У него не осталось даже сил опустить голову — он стал таким же холодным, как речная вода.

И странным образом именно тогда он услышал чистый, звонкий звук разбивающегося стекла.

Стеклянная бусина в его кармане внезапно рассыпалась в порошок.

А Кристабель Померан, вытащив из тыльной стороны ладони кинжал — на этот раз ударивший предельно точно, — тоже услышала смех её господы.

Он сказал:

— Хорошо сделано.

Она оправдала божественные ожидания, и семя магии буйно проросло внутри неё.

Аромгеро Масима последним спускался в реку, прижимая к себе малышку Нефрит. Он увидел мёртвого Радоцвета, увидел кровь, окрашивающую воду, и увидел Кристабель, плывущую в

окровавленной реке и смотрящую ему прямо в глаза.

В тот же миг зрачки Кристabelle вспыхнули серебряным светом.

Он не смог среагировать! Напряжение, страх, тревога — бесчисленные негативные эмоции, словно бомба, взорвались в душе Аромгеро Масимы.

<http://bllate.org/book/12612/1226484>